

© Е.Ф. Фурсова

Сибирскость русского и других восточнославянских народов в Сибири: история и проблемы изучения

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, многообразие этнокультурных групп русских Сибири, сибирскость, региональная идентичность

В работе представлены результаты комплексного изучения формирования и трансформации многоуровневой идентичности русского/восточнославянского населения Сибири, которое осуществлялось в Новосибирском научном центре с 1970-х годов. Полипарадигмальный подход с использованием методов этнокультурных и конструктивистских исследований позволил сфокусироваться на оценке процессов идентификации полиэтничного сообщества региона на разных этапах его развития. Был выявлен сложный характер самосознания сибиряков; выделены этнолокальные, этноконфессиональные и региональные формы. В фокусе исследования находится сибирская идентичность. Она рассматривается как динамичное многоуровневое явление. Сибирская идентичность находится в состоянии постоянных изменений, в том числе и под влиянием различных общественно-политических сил, новых социально-экономических, политических вызовов.

Становление этнографии в России начиналось с дескриптивного описания народов, их языковых, культурных и прочих характеристик. Этот подход сохранял свое значение на протяжении XIX–XX вв. Он был закреплён в советской теории этноса, опиравшейся на концепцию этнической иерархии, согласно которой в структуре русского этноса выделялись несколько этнографических групп, в том числе русские Сибири и Дальнего Востока. Эта структура была воспроизведена в томе «Русские», изданном в 1997 г. в фундаментальной серии «Народы и культуры» Институтом этнологии и антропологии РАН. И хотя к этому времени началась переоценка теории этноса, содержание тома определяли исследования, осуществлявшиеся на ее основе в 1960–1980-е годы.

Фурсова Елена Федоровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии ИАЭТ СО РАН. e-mail: mfl1@mail.ru <https://orcid.org/0000-002-9459-7033>

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022–0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования: Фурсова Е.Ф. Сибирскость русского и других восточнославянских народов в Сибири: история и проблемы изучения // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 44–55, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/44-55>

«Население Сибири XIX в., — подчеркивали авторы тома, — состояло из коренных и пришлых народов. Многочисленное к тому времени русское население не представляло единого целого по своему происхождению и составу. Русские, начавшие проникать в Сибирь еще в конце XVI в., выработали своеобразные черты быта и характера и образовали ядро старожилов — потомков ранних поселенцев с Европейского Севера и из Северного Приуралья. Переселенцы XIX в. из южнорусских и центральных губерний России составили группы новоселов («российских»). Среди тех и других сформировалось несколько групп под воздействием разных факторов: характера их расселения в Сибири (отдельно от других народов — компактного или чересполосного с ними, или интенсивного проникновения в инорасселение и т.п.), численности, демографических процессов, происходивших в их среде, особенностей иноэтничного окружения» (Русские 1997: 114).

В составе русских Западной Сибири выделяли группы казачества, старообрядцев («каменщики» и «поляки»), духоборов, молокан и т.д.; в Восточной Сибири — русских Енисея и Забайкалья, в том числе старообрядцев «семейских» и др.; в Якутии — усть-оленекских, усть-янских, верхоянских, русских устьинцев (индигирцев), усть-слонских и колымских жителей и т.д. На северо-востоке Сибири русские также были представлены несколькими этнотерриториальными и сословными группами (Русские 1997: 114–115). «Несмотря на сложную этническую историю, — говорилось в разделе «Этнографические группы русского народа», — все русские Сибири, пришедшие в разное время из ряда европейских губерний и в некоторых местах смешавшиеся с коренными народами, имеют общие черты, хотя каждая из сибирских групп русских сохраняет присущие только ей особенности. <...> На самом деле, несмотря на все своеобразие, русские сибиряки сохранили много общего со своими предками из Европейской России. Подтверждением этого является вся материальная и духовная культура русских, сложившаяся в разных регионах Сибири, развивавшаяся в общем русле с культурой всего русского народа» (Русские 1997: 113–114). Особенностью этнографических групп русских Сибири, согласно официальной теории, являлось их общенациональное самосознание. Оно было направлено как внутрь сообщества (на осознание бытия, исторических судеб и ценностей), так и вовне — на межэтнические контакты (Бромлей 1983: 173, 180; Чистов 1986: 13–14).

Опираясь на вариативные методики, этнографы Новосибирского научного центра выявили сложный характер самосознания сибиряков; выделили его локальные (этнокультурные), этноконфессиональные и региональные формы. Группы русского / восточнославянского населения Сибири определялись прежде всего по тем характеристикам, которые их представители считали для себя наиболее значимыми. Масштабная работа по их идентификации началась в рамках гуманитарного отделения СО АН СССР с 1970-х годов при участии историков, этнографов, фольклористов.

Формат исследований изначально был скоординирован с комплексным проектом по изучению крестьянства Сибири, который инициировал Институт истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР под руководством акад. А.П. Окладникова. Он завершился пятитомным энциклопедическим изданием «Истории крестьянства Сибири» 1982–1991 гг. Ориентированный на социальную историю, этот фундаментальный труд определил векторы историко-

этнографических изысканий; обозначил системный подход к изучению крестьянской культуры: с анализом особенностей хозяйства, ремесел и быта была уязвана характеристика искусства, фольклора, крестьянской литературы.

В ходе долговременных этнографических и фольклорных изысканий в Западной и Восточной Сибири (в Обь-Иртышском междуречье, в бассейне Томи, на Алтае, в Забайкалье и пр.) были выделены различные группы русских сибиряков, проведен историко-сравнительно анализ особенностей их культуры (Болонев 1985, 2001; Курилов 2005; Курилов, Люцидарская, Майничева 2005; Фурсова 2006, 2022, 2024 и др.).

На материалах Западной Сибири (зоны земледелия в Приобье, Барабе, Кулунде, на Алтае и пр.) и Забайкалья Е. Ф. Фурсовой была предложена классификация этнографических групп русских / восточных славян, опиравшаяся на данные об их происхождении, о закономерностях развития и культурно-бытовых особенностях (Фурсова 2006: 427–428). Были выделены компактные конфессионально-этнографические группы середины XVIII — конца XX в., образовавшиеся в результате миграции и слияния общин старообрядцев (сторонников православия до реформ 1650–1660-х годов) с иноэтничными группами; это: «курганы» Присалаирья, белорусские «москали» Васюганья, «поляки» Алтая, а также «семейские» Забайкалья.

Особое место на этнографической карте Сибири занимали компактные и рассеянные этнографические и конфессионально-этнографические группы (православные — «никониане» и старообрядцы), выделившиеся из родного этноса в результате реальных (часто переосмысленных в мифологическом ключе) событий отдаленного прошлого — это «чалдоны», «кержаки», «двоеданы».

Многочисленными в структуре народонаселения Сибири были рассеянные и компактные территориально-этнографические группы российских (православных) переселенцев второй половины XIX — начала XX в., связанные общностью мест выхода и исторической памяти, культурно-бытовыми особенностями, обрядовыми и фольклорными традициям — это «вятичи», «рязаны», «куряне» и др.

Усилиями историков и этнографов научных центров Новосибирска, Барнаула и Омска была воссоздана история Сибирского Линейного казачьего войска. В своих истоках это сословно-государственного учреждение Российской империи опиралось на сибирское городское казачество; существовало в XIX — начале XX в.; расширилось за счет зачисления в казаки крестьян (старожилов и переселенцев); имело собственные земли, управление, организацию, культурные устои. Основной зоной расселения казачества Западной Сибири были поселки в пределах современной Омской области и Алтайского края. Там и сегодня сохраняются традиции казачьей культуры. С начала 1990-х годов в Западной Сибири происходило воссоздание казачьих обществ в форме общественных организаций и реестровых структур (Никитин 1988; Недбай 2004; Зуев, Люцидарская 2010; Ремнев, Суворова 2011 и др.).

Согласно многолетним исследованиям, каждая этнографическая группа (этно-конфессиональная, этнотерриториальная, сословная) имела тот «стер-

жень», вокруг которого она формировалась. Для сибиряков-старожилов, в том числе «чалдонов», важным для обозначения своей общности было единство культурно-бытовых и нормативных практик, а также представление об общности происхождения («с Чала и Дона»). Основным этнодифференцирующим признаком этой группы являлось выраженное самосознание, опиравшееся на представления о сибирской укорененности предков, об «исконном» праве на земли Сибири и ее ресурсы.

Для старообрядческих групп на первом месте стояла приверженность древлеправославной вере. Конфессиональное самоопределение было для них более значимым, чем этническое. Это определяло многие стороны бытия, в том числе брачные предпочтения: браки заключали со староверами — мордвой, чувашами, представителями коренных народов; в то же время связи с русскими сторонниками официальной церкви избегали. В конфессионально-этнографических группах единство осознавалось как следствие особого исторического развития и находило опору в религиозном сознании. На этапе становления главенствующей силой в объединении таких групп было неприятие исправленных богослужебных книг, измененного крестного знамения (троеперстия) и в целом западных культурных влияний, что и определяло их отношения с внешним миром. В Сибири многие группы старообрядцев закрепили древние традиции на уровне культурных маркеров (Болонев 1985, 2001). Самосохранение казачьих общин определяли привилегии и регламенты войскового сословия, которые были аннулированы в 1919 г.

Конкурирующим сообществом в освоении сибирской земли для русских старожилов в конце XIX — начале XX в. выступали российские переселенцы. Они, как правило, селились и жили «выселками», «концами», уличными «краями», («рассейскими», «курскими», «рязанскими», «могилевскими» и пр.); в семейных отношениях, при заключении браков, ориентировались на «своих», хотя браки со старожилами считались престижными. В группах переселенцев (в том числе «русских», «малороссов» и «белорусов») долгое время сохранялись культурные традиции мест исхода; одним из основных в их самоопределении был принцип землячества. Развивались такие группы как территориально-этнографические.

Переселенцы конца XIX — начала XX в. отождествляли свою родину с Российской империей, при этом в их идентичности доминировала не этническая, а региональная дифференциация. В некоторых регионах Сибири, проживая рядом с русским старожильческим населением, белорусские и украинские переселенцы получали своеобразный социокультурный статус, который нашел отражение в использовании названия «самоход». Отдельные локальные сообщества переселенцев (такие как «панцирные бояре» в составе белорусов) привнесли на территорию Сибири самоназвания, отражавшие их сословный, или социальный статус времен Великого княжества Литовского XVII–XVIII вв. (Федоров 2020).

На протяжении XX в. сословные, конфессионально-этнографические, территориально-этнографические группы русского / восточнославянского происхождения развивались во взаимодействии друг с другом в границах полиэтничного сообщества Сибири; меняли свои культурные свойства, способы и формы самоопределения. И, как показали исследования, боль-

шинство из них обладали сложным, многоуровневым самосознанием. Оно включало рефлексию на тему национального русского (славянского) единства и культурно-бытовых особенностей; воспроизводилось на уровне сравнения своего и чужого; имело пространственную (природно-ландшафтную) привязку. Локальные эндо- и экзоэтнонимы отдельных групп русского / восточнославянского населения Сибири были связаны с их происхождением, местами исхода, с топографией расселения (чаще с гидронимами), отражали исторические события в далеком и недавнем прошлом. Эти этнонимы (как показатели самосознания) сосуществовали в сибирском сообществе в сложных композициях. При изменении социально-политического и социокультурного контекста происходила актуализация одного (или нескольких) аспектов самоопределения.

В 2000-е годы предметом исследования этнографов Новосибирского научного центра стали механизмы самоопределения русского / восточнославянского населения Сибири. Полипарадигмальный подход с использованием методов этнокультурных и конструктивистских исследований позволил сфокусироваться на изучении процессов идентификации полиэтничного сообщества региона на разных этапах его развития. Вслед за выходом в 2011 г. в ИЭА РАН обобщающей монографии «Феномен идентичности в современном гуманитарном знании (к 70-летию академика В.А. Тишкова)» на базе Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН под руководством Е.Ф. Фурсовой началась разработка проекта, посвященного анализу соотношения этнолокальной, региональной и национальной идентичности русского / восточнославянского населения Сибири с XIX в. и до современности. «Сибирскость» стала предметом долговременного исследования.

Известно, что эта категория активно обсуждалась в интеллектуальных кругах региона еще в начале XX в. Тогда представления о жителях Сибири, их особом образе жизни и характере соотносились с проектами областников. Это было региональное общественно-политическое движение, настаивающее на особом месте Сибири в Российской империи. Согласно выводам экспертов, утверждение «сибирскости» в имперской России рождало страхи сепаратизма (Ремнев 2011).

В начале XXI в., когда в постсоветской России начались процессы социального конструирования, особенно активные в период избирательных кампаний, тема регионализма вновь появилась на повестке дня. Она обсуждалась на просторах интернета, в научной и популярной литературе, на площадках фестивалей и общественных форумов.

В Красноярске при поддержке местной администрации выходил альманах «Национальность — сибиряк», в Омске существовала телевизионная программа «Национальный характер». В Новосибирске было зарегистрировано региональное общественно-политическое движение «Мы – сибиряки». Внимание к сибирской идентичности привлекла перепись населения России 2010 г. — самоназванию «сибиряк» был присвоен № 263. Именно в этот период, как подчеркивал А.В. Ремнев, «разговоры о сибирском (русско-сибирском) субэтнотипе как особой историко-культурной общности вышли за пределы узкого круга этнографов и социологов, приобретя широкое общественно-политическое звучание» (Ремнев 2011: 109). На региональной составляющей самосознания настаивал ряд исследователей. Они подчеркивали ее конфликт-

ную составляющую, возникающую при взаимодействиях центра и регионов, в том числе, по поводу освоения ресурсов (*Дутчак, Львова, Нам 2012; Анисимова, Ечевская 2012*).

Вновь актуальной стала проблема обсуждения природы сообщества сибиряков. Предпринятый В. Н. Куриловым анализ русских сибиряков как субэтноса в составе русского этноса показал, что его выделение не состоялось, поскольку приоритетным было формирование русской нации (*Курилов 2002*). Полевые (этнокультурные и этносоциальные) исследования не подтверждали трактовку сибиряков в качестве особой общности. Самоидентификация «сибиряк» не означала отказа от «природной» этничности. Органичными для жителей региона были самоопределения «коренной сибиряк», «русский сибиряк», «сибирский казак» и «сибирский татарин» и т. д. (*Жигунова 2011*).

На страницах «Исторической энциклопедии Сибири» 2010 г. М.А. Жигунова и Е.Ф. Фурсова обозначили пять основных трактовок определения «сибиряки»: территориальное (сибиряки — это этнопоним); региональное (люди, родившиеся и долго живущие в Сибири); культурно-историческое (коренные жители Сибири); психологическое (особый тип людей с хорошими адаптационными способностями); этническое («смешанный этнос», сложившийся на основе взаимодействия русских с другими народами). В качестве предпосылок формирования региональной общности сибиряков называли некоторую замкнутость и географическую отдаленность Сибири от Европейской России, обширность территории, определенную свободу в жизнедеятельности и относительно мирное сосуществование пришлого и аборигенного населения (обусловленные обилием земель и угодий), особые природно-климатические и этнокультурные условия, межэтнические и межрелигиозные контакты (*Жигунова, Фурсова 2010*).

Обобщающий характер в разработке темы приобрела монография «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX — начало XXI в.)», подготовленная творческим коллективом под руководством Е.Ф. Фурсовой на базе ИАЭТ СО РАН в 2022 г. В ходе анализа стратегий идентификации сибиряков, авторы издания выделяли понятие «этнокультурная память», которую в общих чертах можно было определить как специфическую форму коллективной памяти — совокупность представлений об общности происхождения и этнических границах, а также как свод знаний, посредством которых воспроизводятся базовые структуры материальной и духовной культуры и историческое сознание определенной общности, основанное на аккумуляции жизненного опыта ее представителей (*Фурсова, Федоров, Шитова, Голубкова, Васеха 2022*).

Исследователи проследили трансформацию этнокультурных ценностей некоторых групп от прошлого к современности. В результате удалось выяснить, что из привезенного «багажа» оказалось наиболее жизнеспособным и ценным для сохранения их самосознания. Список оказался внушительным — от кулинарных рецептов и костюма до песенного фольклора, от исторических преданий и семейных хроник до религиозных символов (*Шитова 2020*).

Усилия авторского коллектива монографии были сосредоточены на оценке идентичностей сформировавшихся в Сибири к концу XIX — началу XX в.

этнографических групп и последующих их трансформаций, которые возникли в ходе конструирования советского народа. Термин «советский народ» начал использоваться в СССР еще в 1920–1930-е годы. В 1961 г., в докладе о новой программе КПСС на XXII съезде партии Н.С. Хрущёв объявил о возникновении новой исторической общности, культура которой должна была соответствовать формуле «национальная по форме, социалистическая по содержанию». Постановлением XXIV съезда КПСС 1971 г. советский народ был провозглашен основой союзного общенародного государства. Его определяли как историческую, социальную и интернациональную общность людей, объединенных единой территорией, экономикой, социалистической по содержанию культурой (Варнавский 2004).

На основе анализа повседневной истории, материалов устной истории, глубинных интервью с сибиряками был сделан вывод о том, что при актуализации новой исторической общности «советский народ» этническая компонента была нивелирована. Став реальностью в декларативном формате, идеологема «советский народ» на индивидуальном и коллективном уровне повлияла на актуализацию региональной, социальной и политической (гражданской) составляющих структуры идентичностей. Это совпало с процессом модернизации сибирских сел и унификацией быта. В 1970-е годы многие элементы традиционной культуры исчезли из повседневного обихода; были перенесены в пространство музеев и на площадки фольклорных фестивалей. Они приобрели символический характер. Но сохранялась этнокультурная и историческая память. Самосознание русских / восточнославянских групп Сибири приобрело все более многомерный характер.

При анализе «сибирскости» обращали на себя такие аспекты идентификации, как отношение к своему месту жительства; осознание себя в национальном российском и региональном историко-культурном пространстве; уровень социального оптимизма в регионе (Фурсова, Федоров, Шитова, Голубкова, Васеха 2022). Исследование показало, что сибиряки интерпретируют свою особость сквозь призму стратегий адаптации к экстремальным природно-климатическим условиям. Порой сибирская идентичность опирается на расхожие стереотипные представления.

Анализ современных средств массовой информации позволяет реконструировать «медийный образ» сибиряка. В местном информационном потоке вырисовываются экономическая, культурная, научная, природно-географическая сферы его жизни; подчеркивается умение жить в гармонии с природой, выносливость, закаленность, отзывчивость, гостеприимность, терпимость. Образ сибиряка, по мнению экспертов, имеет различные уровни проявления (Ершова 2016).

В рамках реализации проекта «Сибирь и сибиряки» ИАЭТ СО РАН подтверждается взаимосвязь самоопределения регионального сообществ с понятием «имиджа региона». «Как и региональная идентичность, идентичность региона, — подчеркивает Е.В. Головнева, — также может быть структурирована. В этом случае структурными компонентами идентичности региона оказываются системы дискурсов, различных по форме и уровню существования. Например, идентичность региона становится возможным анализировать, с одной стороны, как совокупность мифологического, художественного,

политического, научного, философского дискурсов о регионе, с другой — как систему представлений, функционирующую на «низовом» и «официальном» уровне» (Головнева 2017: 187–188).

Такого рода конструктивистское прочтение сибирской идентичности позволяет рассматривать ее как динамичное многоуровневое явление, которое претерпевает изменения в различных общественно-политических условиях, в ходе исторических событий, под влиянием целенаправленного конструирования как со стороны государственных и муниципальных органов, так и со стороны общественных сил. Сибиряки ищут формы для выражения региональной специфики и ее визуализации. Сибирская идентичность находится в состоянии постоянных изменений, в том числе и под влиянием различных общественно-политических сил, новых социально-экономических, политических вызовов.

Литература

- Анисимова А. А., Ечевская О. Г.* «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Laboratorium. Журнал социальных исследований.* 2012. № 3. С. 11–41.
- Боловнев Ф. Ф.* Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1985. 143 с.
- Боловнев Ф. Ф.* Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Барнаул: Изд-во БЮИ. 2001. 51с.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука. 1983. 412 с.
- Варнавский П. К.* Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (На материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio.* 2004. № 4. С. 239–262.
- Васеха М. В.* Кто такой «сибиряк»: что такое сибирская идентичность // *Вестник Российской нации.* 2014. Т. 6, № 6. С. 316–327.
- Головнева Е. В.* Региональная идентичность и идентичность региона // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки.* 2017. Т. 12, № 3. С. 182–189.
- Дутчак Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В.* Сибирская региональная идентичность — фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2012. № 2–1. С. 41–44.
- Ершова В. Е.* Образ жителя Сибири в медиапространстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений) // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2016. № 4. С. 168–180.

- Жигунова М. А.* Некоторые проблемы сибирской идентичности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2006. Т. XII, № 2. С. 92–95.
- Жигунова М. А., Фурсова Е. Ф.* Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск: Издательский Дом Историческое наследие Сибири, 2010. С. 101–102.
- Зуев А. С., Люцидарская А. А.* Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI — начале XVIII в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, вып. 1. История. С. 52–59.
- Курилов В. Н.* Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 29 с.
- Курилов В. Н.* Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX века. Новосибирск: Изд-во ПреПрессСтудио, 2005. 220 с.
- Курилов В. Н., Люцидарская А. А., Майничева А. Ю.* Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск: ПреПресс-Студио. 2005 100 с.
- Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска. Омск, 2004. 397 с.
- Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. 255 с.
- Ремнев А. В.* Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX — начала XX в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: ОГПУ, 2002. С. 15–28.
- Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Казачество в колонизационных процессах конца XIX — начала XX века // Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 18–28
- Ремнев А. В.* Национальность «Сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Политика. 2011. № 3. С. 109–128
- Русские.* М.: Наука, 1997. 828 с.
- Федоров Р. Ю.* Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 102–115.
- Феномен идентичности в современном гуманитарном знании (к 70-летию академика В.А. Тишкова). М.: Наука, 2011. 670 с.
- Фурсова Е. Ф.* Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 427–441.
- Фурсова Е. Ф.* Мир рязанских переселенцев пореформенного периода: к методам исследования миграций и локальной адаптации на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. № 4. С. 131–140.

Фурсова Е. Ф., Федоров Р. Ю., ШUTOва Н. И., Голубкова О. В., Васеха М. В. *Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX — начало XXI в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.*

Чистов К. В. *Народные традиции и фольклор (очерки теории)*. Л.: Наука, 1986. 304 с.

ШUTOва Н. И. *Этнокультурная идентичность русских и ее трансформации по материалам Алтайской духовной миссии (начало XX в.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 2. С. 160–170.*

Research article

Fursova E. F.

The Sibirism of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia: history and problems of study [Sibirskost' russkogo i drugikh vostochnoslavianskikh narodov v Sibiri: istoriia i problemy izucheniia] *Anthropologies*, 2024, No 2, pp. 44-55, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/44-55>

Fursova Elena Fiodorovna | mf11@mail.ru | <https://orcid.org/0000-002-9459-7033>
| Leading researcher, Head of Department of Ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Abstract

The paper presents the results of a comprehensive study of the formation and transformation of the multilevel identity of the Russian/East Slavic population of Siberia, which has been carried out at the Novosibirsk Scientific Center since the 1970s. A multi-paradigm approach using the methods of ethnocultural and constructivist research allowed us to focus on assessing the identification processes of the multiethnic community of the region at different stages of its development. The complex nature of Siberians' identity was revealed; its ethno-local, ethno-confessional and regional forms were highlighted. The focus of the research is on the Siberian identity. It is considered as a dynamic multi-level phenomenon. The Siberian identity is in a state of constant change under the influence of various socio-political forces, new socio-economic and political challenges.

Keywords: ethnocultural identity, diversity of ethnocultural groups of Russians in Siberia, Sibirism, regional identity

References

Anisimova, A.A., Echevskaia, O.G. 2012. «Sibiriak»: obshchnost', nacional'nost' ili «sostoianie dushi»? [«Sibiriak»: community, nationality or «state of mind»?]. *Laboratorium. Zhurnal social'nykh issledovaniï*, 3: 11–41.

Bolonev, F.F. 1985. *Semejskie* [Semeiskie]. Ulan-Ude: Buriatskoe kn. izd-vo.

Bolonev, F.F. 2001. *Staroobryadcy Altaia i Zabajkal'ia: opyt'sravnitel'noi kharakteristiki* [Old Believers of Altai and Transbaikalia: the experience of comparative characteristics]. Barnaul: Izd-vo BfUf.

Bromlei, Iu.V. 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnicity]. M.: Nauka.

- Chistov, K.V. 1986. *Narodnye tradicii i fol'klor (ocherki teorii)* [Folk traditions and folklore (essays on theory)]. L.: Nauka.
- Dutchak, E.E., L'vova, E.L., Nam, I.V. 2012. Sibirskaia regional'naia identichnost' — faktor konflikta ili resurs formirovaniia obshcherossiiskoi identichnosti? [Siberian regional identity — a factor of conflict or resource formation of the All-Russian identity]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serii: Istorii, 2, 1: 41–44.
- Ershova, V.E. 2016. Obraz zhitelia Sibiri v mediaprostranstve Tomska i Severska (na materiale televizionnykh vypuskov i radioobshchenii) [The image of a Siberian resident in the media space of Tomsk and Seversk (based on the material of television broadcasts and radio messages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 4: 168–180.
- Fedorov, R. Iu. 2020. Chaldony i samohody: mify identichnosti i etnograficheskaia real'nost' [Chaldons and Self-propelled guns: Myths of identity and ethnographic reality]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 102–115.
- Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii (k 70-letiiu akademika V.A. Tishkova)*. 2011. [The phenomenon of identity in modern humanitarian knowledge (on the 70th anniversary of Academician V.A. Tishkov)] M.: Nauka.
- Fursova, E.F. 2006. Etnograficheskie gruppy vostochnykh slavian v Zapadnoi Sibiri: tipologiya, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodeistviia [Ethnographic groups of Eastern Slavs in Western Siberia: typology, identity, intercultural interactions]. *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie v Evrazii*, 1. M.: Nauka: 427–441.
- Fursova, E.F. 2024. Mir ryazanskikh pereselencev poreformennogo perioda: k metodam issledovaniia migratsii i lokal'noi adaptatsii na Altae [The World of Ryazan migrants of the Post-Reform period: on the methods of migration research and local adaptation in Altai]. *Arheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 4: 131–140.
- Fursova, E.F., Fedorov, R. Iu., Shitova, N.I., Golubkova, O.V., Vasekha, M.V. 2022. *Sibir' i sibirski: etnokul'turnaia identichnost' russkogo i drugikh vostochnoslavianskikh narodov v Sibiri (19 — nachalo 21 v.)* [Siberia and Siberians: the Ethnocultural identity of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia (19 — early 21 c.)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
- Golovneva, E.V. 2017. Regional'naia identichnost' i identichnost' regiona [Regional identity and regional identity]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, Ser. 3, Obshchestvennye nauki, 12, 3: 182–189.
- Kurilov, V.N. 2002. *Russkii subetnos Zapadnoi Sibiri v seredine XIX v.: rasselenie i toponimii*. [The Russian subethnos of Western Siberia in the middle of the XIX century: settlement and toponymy]. Abstract of PhD dissertation. Novosibirsk.
- Kurilov, V.N. 2005. *Rasselenie russkikh starozhilov Zapadnoi Sibiri v seredine 19 veka* [The settlement of Russian old-timers of Western Siberia in the middle of the 19 c.] Novosibirsk: Izd-vo PrePress Studio.
- Kurilov, V.N., Liucidarskaia, A.A., Mainicheva, A. Iu. 2005. *Osvoenie Sibiri: sokhranenie i transformatsiia russkoi kul'tury v 17 — nachale 20 v.*: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Development of Siberia: the preservation and transformation of Russian culture in the 17 — early 20 c.] Novosibirsk: PrePress-Studio.

- Nedbai, Iu.G. 2004. *Istoriia Sibirskogo kazach'ego voiska* [The history of the Siberian Cossack army]. Omsk.
- Nikitin, N.I. 1988. *Sluzhilye liudi v Zapadnoi Sibiri 17 veka* [Military men in Western Siberia of the XVII century]. Novosibirsk.
- Remnev, A.V. 2002. Sdelat' Sibir' i Dal'nii Vostok russkimi: k voprosu o politicheskoi motivatsii kolonizatsionnykh processov 19 — nachala 20 v. [To make Siberia and the Far East Russian: on the question of the political motivation of the colonization processes of the 19 — early 20 century]. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: OGPU: 15–28.
- Remnev, A.V., Suvorova, N.G. 2011. Kazachestvo v kolonizatsionnykh processakh konca 19 — nachala 20 veka [Cossacks in the colonization processes of the late 19 — early 20 century]. *Tartaria Magna*, 1: 18–28.
- Remnev A.V. 2011. Nacional'nost' «Sibiriak»: regional'naia identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. [Nationality «Siberian»: regional identity and historical Constructivism of the XIX c]. *Politiia*, 3: 109–128.
- Russkie*. 1997. [Russians]. M.: Nauka.
- Shitova, N.I. 2020. Etnokul'turnaia identichnost' russkikh i ee transformatsii po materialam Altaiskoj dukhovnoi missii (nachalo 20 v.) [The ethnocultural identity of Russians and its transformations based on the materials of the Altai Orthodox Mission (early 20th century)]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*, 2: 160–170.
- Varnavskii, P.K. 2004. Sovetskii narod: sozдание edinoi identichnosti v SSSR kak konstruirovaniye obshchei pamiati (Na materialakh Buriatskoi ASSR) [The Soviet people: the creation of a unified identity in the USSR as the construction of a common memory (Based on the materials of the Buryat ASSR)]. *Ab Imperio*, 4: 239–262.
- Vasekha, M.V. 2014. Kto takoi «sibiriak»: chto takoe sibirskaa identichnost' [Who is a «Siberian»: what is the Siberian identity]. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 6, 6: 316–327.
- Zhigunova, M.A. 2006. Nekotorye problemy sibirskoi identichnosti [Some problems of Siberian identity]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 12, 2: 92–95.
- Zhigunova, M.A., Fursova, E.F. 2010. Sibiryaki [Siberians]. *Istoricheskaya enciklopediia Sibiri*, 3. Novosibirsk: Izdatel'skii Dom Istoricheskoe nasledie Sibiri: 101–102.
- Zuev, A.S., Liucidarskaia, A.A. 2010. Etnicheskii sostav sibirskikh sluzhilykh liudei v konce 16 — nachale 18 v. [The ethnic composition of Siberian military personnel in the late 16 — early 18 c.]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya*, 9, 1, Istorii: 52–59.

